УДК 343.535

ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ

Федорук Д.А.[1]

магистрант,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Мухортов Н.К.

магистрант,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Аннотация

В статье исследуются уголовно-правовые и доказательственные проблемы квалификации фиктивного банкротства. Рассматриваются особенности установления заведомо ложного публичного объявления о несостоятельности, разграничения фиктивного и преднамеренного банкротства, определения крупного ущерба и причинной связи. Особое внимание уделяется оценке действительной платежеспособности должника, субъективной стороны преступления и заключения арбитражного управляющего. На основании анализа законодательства, научных исследований и судебной практики обосновывается необходимость совершенствования подходов к установлению объективной

[1] ***Научный руководитель - Кравцова Е.А.****, профессор кафедры трудового и предпринимательского права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия*

Kravtsova E.A.*, professor of the department of labor and business law, Belgorod state national research university, Belgorod, Russia*

ложности сведений о несостоятельности и использованию финансово-экономических доказательств в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство, уголовная ответственность, квалификация преступления, заведомость, публичное объявление, платежеспособность, крупный ущерб.

FICTITIOUS BANKRUPTCY: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND PROOF

Fedoruk D.A.
master's student,
Belgorod state national research university,
Belgorod, Russia

Mukhortov N.K.
master's student,
Belgorod state national research university,
Belgorod, Russia

Abstract

The article examines the criminal law and evidentiary problems of qualification of fictitious bankruptcy. The article examines the features of establishing a knowingly false public announcement of insolvency, distinguishing between fictitious and deliberate bankruptcy, determining major damage and causation. Particular attention is paid to the assessment of the actual solvency of the debtor, the subjective side of the crime and the conclusion of the insolvency trustee. Based on the analysis of legislation, scientific research and judicial practice, the need to improve approaches to establishing the objective falsity of information about insolvency and the use of financial and economic evidence in criminal proceedings is substantiated.

Keywords: fictitious bankruptcy, deliberate bankruptcy, criminal liability, qualification of a crime, knowingness, public announcement, solvency, major damage.

Установление фактов, свидетельствующих о фиктивном характере банкротства, связывается с целым рядом практических сложностей, которые в значительной степени являются следствием проблем, возникающих на этапе отграничения соответствующего преступления от заведомо ложного сообщения о несостоятельности и реальной неспособности должника исполнить возложенные на него обязательства. Статья 197 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает: «Фиктивное банкротство, то есть заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб» [1].

Из содержания диспозиции следует, что уголовная ответственность предполагает установление публичного характера объявления, его объективной ложности, заведомой осведомленности виновного и крупного ущерба, причиненного соответствующим деянием. Преступление обладает материальным составом и считается оконченным при наступлении предусмотренного законом последствия. Само сообщение о несостоятельности без причинения крупного ущерба не образует оконченного состава статьи 197 УК РФ.

Значение имеет и специальный субъект преступления. Н.С. Потапенко указывает: «… для привлечения к ответственности по ст. 195-197 УК РФ необходимо установить, что лицо обладало специальным статусом, позволявшим ему совершить инкриминируемые действия в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя в связи с процедурой банкротства» [7, с. 112]. Применительно к статье 197 УК РФ необходимо установить предусмотренный ее диспозицией статус руководителя, учредителя (участника) юридического лица либо гражданина. Фактическое влияние на деятельность организации не позволяет автоматически признавать любое контролирующее лицо исполнителем преступления.

Разграничение фиктивного и преднамеренного банкротства определяется характером деяния. Часть 1 статьи 196 УК РФ связывает преднамеренное банкротство с совершением действий или бездействия, «заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина» удовлетворить установленные требования кредиторов, если причинен крупный ущерб [1].

При преднамеренном банкротстве устанавливается причинение неплатежеспособности соответствующими действиями. При фиктивном банкротстве исследуется ложность объявления о существующей неспособности исполнять обязательства. Поэтому отчуждение имущества по невыгодной цене может иметь значение для статьи 196 УК РФ, но не доказывает автоматически фиктивность объявления. Если реальное ухудшение финансового положения сопровождается недостоверной отчетностью, необходимо отдельно установить признаки каждого состава, не допуская квалификации исключительно по факту искажения документов.

Е.Е. Леканова обращает внимание на различия уголовно-правового и банкротного регулирования: «Необходимо обратить внимание, что в ст. 196 УК РФ при определении преднамеренного банкротства отсутствует упоминание о требованиях о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда, которые указаны в дефиниции понятия «банкротство», находящейся в ст. 2 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» [6, с. 65]. Этот пример показывает необходимость разграничивать понятие несостоятельности, используемое в законодательстве о банкротстве, и обязательные признаки конкретного уголовно-правового состава.

Самостоятельная проблема связана с публичным объявлением. М.М. Савченко считает, что «общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 197 УК РФ, выражается только в совершении юридически значимых, процессуально закрепленных действий, соответствующих нормам законодательства о несостоятельности» [9, с. 63]. Иной аспект проблемы выделяет Е.Л. Глушков: «… понятие публичного объявления давно исключено из законодательства о

банкротстве, и современный руководитель уже не обязан нигде объявлять о своем банкротстве» [5, с. 73].

Наличие различных доктринальных подходов указывает на то, что законодательно признак публичности действительно не был надлежащим образом определен, так как в обратном случае целесообразность ведения подобных споров была бы исключена. Случаи, когда должник обращается в арбитражный суд для признания его банкротом, равно как и ситуации, при которых соответствующий субъект направляет сообщение о несостоятельности кредиторам, ведет бухгалтерскую отчетность, могут подпадать под диспозицию статьи 197 УК РФ, однако автоматически не должны рассматриваться в качестве безусловного свидетельства публичности заявления как одного из ключевых признаков фиктивного банкротства.

Установление объективной ложности требует определения финансового состояния должника на юридически значимый момент. Пункт 11 Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855, предусматривает проведение проверки признаков фиктивного банкротства при возбуждении дела по заявлению должника. Пункты 12-13 связывают вывод управляющего с анализом ликвидности, обеспеченности обязательств активами и степени платежеспособности, включая возможность рассчитаться с кредиторами без существенного осложнения хозяйственной деятельности [4].

Самостоятельного доказывания также требует признак заведомости. Осведомленность виновного лица относительно ложности заявления о несостоятельности может подтверждаться не только ознакомлением его с бухгалтерской отчетностью, но и множеством иных обстоятельств, которые в совокупности подлежат оценке со стороны правоприменителя. Такой подход также позволит отграничить добросовестную ошибку, допущенную в

финансовых документах, от намеренного искажения объективных фактов с целью признания лица несостоятельным (банкротом).

Особое значение имеет заключение арбитражного управляющего. А.А. Савицкий указывает: «Однако Временные правила тоже не содержат экспертных методик, а лишь определяют порядок проведения арбитражным управляющим проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, поэтому вопрос их использования при производстве судебной финансово-аналитической экспертизы является дискуссионным» [8, с. 100]. Однако здесь следует учитывать правила уголовного законодательства, которыми регулируется процесс доказывания и исключается возможность придания конкретным доказательствам заранее установленной силы и приоритета перед другими доказательственными сведениями. По статьям 17, 73, 74, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации доказательства подлежат проверке и оценке в совокупности. Заключение управляющего может использоваться при соблюдении процессуальных требований, но не обладает заранее установленной силой и не заменяет судебную экспертизу [2].

Административная ответственность по части 1 статьи 14.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях применяется при наличии предусмотренных ею признаков фиктивного банкротства, если содеянное не содержит уголовно наказуемого деяния [3]. Крупный ущерб имеет разграничительное значение, но его отсутствие не освобождает от необходимости устанавливать остальные признаки административного состава.

Таким образом, для квалификации преступления по статье 197 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо оценить совокупность сведений, которые указывают не только на недостоверный характер объявления о несостоятельности, но и на публичность таких действий, их заведомость, а также на наличие специального субъекта и причинение крупного ущерба, рассчитываемого в соответствии с правилами, определенными нормами действующего законодательства. Ключевым значением для надлежащей

уголовно-правовой квалификации содеянного обладает установление фактов, указывающих на то, что у должника в действительности имеется реальная возможность исполнить обязательства перед кредиторами. Разграничение фиктивного и преднамеренного банкротства должно основываться на различии между ложным представлением о несостоятельности и умышленным созданием неплатежеспособности.

Произведенный анализ также показал, что наиболее дискуссионным аспектом действующей правовой модели, регулирующей ответственность за фиктивное банкротство, многими учеными признается признак публичности объявления, который вступает в противоречие с некоторыми актуальными процедурами несостоятельности (банкротства). Представляется, что нецелесообразно называть в качестве публичного любое распространение информации относительно неплатежеспособности. В то же время надлежащее установление данного признака требует получения разъяснений от Верховного Суда Российской Федерации, которые позволят обеспечить единообразие правоприменительной практики, исключив чрезмерный субъективизм при оценке соответствующего обстоятельства.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

4. Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства : Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 52 (ч. II). – Ст. 5519.

5. Глушков, Е.Л. Некоторые проблемы при выявлении криминальных банкротств предприятий оперативными подразделениями органов внутренних дел / Е.Л. Глушков // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 1. – С. 70-76.

6. Леканова, Е.Е. Уголовная ответственность за преднамеренное банкротство / Е.Е. Леканова // Полицейская и следственная деятельность. – 2026. – № 1. – С. 62-71.

7. Потапенко, Н.С. Особенности составов преступлений, входящих в отраслевой институт уголовной ответственности за криминальное банкротство / Н.С. Потапенко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2024. – № 1 (16). – С. 108-114.

8. Савицкий, А.А. Актуальные проблемы назначения и производства судебных финансово-аналитических экспертиз / А.А. Савицкий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 7 (47). – С. 94-102.

9. Савченко, М.М. Проблемы квалификации фиктивного банкротства по объективным и субъективным признакам состава преступления / М.М. Савченко // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 4 (94). – С. 61-66.